
Нортон Новак
Меч и Сердце
18+

Нортон Новак
Меч и сердце

https://litres.ru/74936519
SelfPub; 2026

Аннотация

Кристина привыкла выживать. Брошенная в детстве, она прошла через улицы, приюты и «Три лилии» — место, где продают не только вино. Она давно перестала верить в обещания и чудеса. Но однажды указ глашатая меняет всё: набор слуг в Высокий Замок. Там, среди интриг и роскоши, она встречает его — младшего принца Николаса. Доброго, уставшего от бесконечных советов, одинокого в толпе придворных.

Он учит её читать. Она учит его чувствовать. Но дворец — это не только зимний сад и лунные лилии. Это тайные ходы, холодный расчёт и старший брат, который не прощает ошибок. Аларик видит в Кристине угрозу и готов на всё, чтобы уничтожить её прошлое. Сможет ли любовь выжить там, где правда убивает?

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Нортон Новак
Меч и сердце

Глава 1

Квартал Медников просыпался рано.

Днём в нём звенели молотки: кузнецы и лудильщики ковали из меди кастрюли, тазы и дешёвые светильники для тех, кто не мог позволить себе магического света. Над крышами тянулся дым, пахло металлом, углём и горячим хлебом из пекарни на углу. Но когда на столицу, Сент-Морган-на-Рейне, спускались сумерки, улочки менялись. Закрывались лавки, зажигались сальные свечи в окнах таверн, и по мостовой, влажной от близкой реки, начинали бродить те, у кого весь день был свободен для вечера.

На самом углу, там, где улица Лудильщиков упиралась в переулок, находилась невысокое двухэтажное здание с уже выцветшей со временем вывеской. На доске, потемневшей от дождей, были нарисованы три белые лилии. Названия Кристина прочесть не могла, но знала, что там написано «Три лилии», потому что однажды Лина, её соседка по комнате, объяснила это, водя пальцем по буквам:

— Просто три слова, — сказала тогда Лина. — Красивые, правда? Мадам любит красивые слова.

Кристина кивнула. Красивыми слова казались только тем, кто не знал, что за ними стоит.

Утро в «Трёх лилиях» начиналось с запаха вчерашнего вина.

Он вползал в комнату сквозь щели в полу, тянулся по лестнице, оседал на подушках и платьях. К нему привыкали, как привыкают к шуму реки или собственному кашлю, и переставали замечать. Но в первые месяцы Кристина просыпалась с ощущением, что весь дом дышит спиртом и чужими духами.

Теперь, на второй год пребывания здесь, она открывала глаза без всякого чувства. Просто потому, что пора.

Комната, которую они делили с Линой, была узкой, с низким потолком и единственным окном, выходившим на задний двор. Две кровати, сундук между ними, треснувшее зеркало на стене. Кристина села на постели, провела ладонью по лицу и по привычке потянулась к зеркалу.

Из мутного стекла на неё смотрела худая бледная девушка с растрёпанными длинными светлыми волосами, свалявшимися после сна, и тёмными карими глазами, слишком большими для маленького лица. Не красавица, но и не уродина. Из тех, кого, пройдя мимо, запоминают смутно, но вспоминают потом без причины. Кожа почти без румянца, тонкие запястья, острые ключицы.

Работа в доме делилась на дневную и ночную, и между ними лежала узкая полоса времени, которое принадлежало

им самим.

Дневная работа была простой и честной: подмести, вымыть, натереть пол, натаскать воды, помочь на кухне. Кристина любила эти часы. Пока рядом не было гостей, дом казался обычным домом. Кухарка Марта, грузная женщина с красными руками, напевала что-то себе под нос и ругалась на молодого поварёнка. Девушки, ещё сонные и растрёпанные, пили у печи тёплое молоко и сплетничали о том, кто вчера что сказал и кто пришёл с каким кошельком. Лина, невысокая и смешливая, рассказывала что-то, размахивая руками, и от её смеха в кухне становилось теплее.

— Эй, Крис! — окликнула она, увидев подругу в дверях. — Иди сюда, у Марты сегодня горячие булочки.

Кристина села рядом, взяла булочку и откусила. Тёплое тесто пахло мёдом и корицей. На секунду, на одну очень короткую секунду, мир показался вполне сносным.

— Слышала, — шёпотом начала Лина, придвигаясь ближе, — вчера приходил тот богатый торговец, который в прошлый раз Мире подарил серёжки? Принёс ещё. И знаешь, что сказал? Что хочет забрать её отсюда. В свой дом.

— Заберёт?

— Кто знает. — Лина фыркнула. — Они все обещают. Только потом оказывается, что жена у него в Сент-Морган-на-Рейне, а Мира так, на время.

Кристина молчала. Она давно научилась не верить обещаниям. Слова мужчин, шедших через порог «Трёх лилий»,

стоили не дороже монеты, которой они расплачивались: меди, не серебра.

Ночью дом менялся.

Едва солнце уходило за крыши, в зале на первом этаже зажигали свечи, расставляли кружки и бутылки, и девушки, одна за другой, спускались по лестнице. Они были в ярких платьях, с тщательно уложенными волосами и яркой краской на лицах, и выглядели совсем иначе, чем утром. Кристина тоже надевала платье, тёмно-синее, чуть выцветшее, и старательно припудривала бледные щёки.

Она не любила эти часы, но научилась проходить через них, как проходят сквозь холодную воду: быстро и не думая. Улыбаться, когда нужно, отвечать на шутки, носить кувшины с вином и не пролить ни капли. Слушать, кивать, смеяться там, где ждут смеха. И делать то, зачем сюда приходили гости, о чём в «Трёх лилиях» никогда не говорили вслух, а лишь многозначительно умолкали, когда наверху тихо закрывалась дверь.

Об этом она старалась не помнить. Утром стирала из памяти, как стирают мел с доски, и начинала всё сначала. Но на самом дне души оставалось что-то, что не отмывалось ни водой, ни временем. Не стыд, нет. Скорее усталость, глухая и бесконечная, как зима.

Кого там только не было: торговцы в добротных плащах, пахнущие кожей и деньгами, офицеры городской стражи, нарочито грубые и шумные, подмастерья, копившие на этот ве-

чер месяц. Иногда заходили и те, кого девушки в шутку звали «господами из высоких домов»: молчаливые, в плащах с поднятыми воротниками, которые щедро платили и просили не задавать вопросов.

Кристина не задавала. Это было первым правилом дома.

Было и второе правило, о котором знала только она: считать.

Каждое утро, когда в комнате затихали шаги, она доставала из-под тюфяка маленькую жестяную коробку из-под чая. Ржавая, с отбитым уголком, она хранилась здесь с первых недель. Внутри лежали деньги: потёртые медные пенни, несколько серебряных грошей и один золотой солид, самая большая драгоценность, подаренная пьяным купцом за ночь, которую она хотела бы забыть.

Кристина высыпала всё на постель и пересчитывала. Не потому, что боялась ошибки, а потому, что в этом движении было что-то успокаивающее, как в молитве. Раз, два, три, четыре. Шесть грошей и два десятка пенни. Ещё чуть-чуть, и хватит, чтобы снять комнату на год. Не навсегда, не на всю жизнь, но на год, в тихом квартале, где никто не знает, кто она и откуда.

— Опять считаешь? — сонно пробормотала Лина с соседней кровати. — Ты как скряга из сказки.

— Это не жадность, — тихо ответила Кристина.

— А что?

Кристина помолчала, перебирая тусклые монеты.

— Это дверь, — сказала она наконец. — Одна из тех, что можно открыть.

Лина зевнула и отвернулась к стене.

— Ты странная, Крис. Но славная.

О Верене в доме думали по-разному. Девушки её побаивались, торговцы уважали, стража делала вид, что не замечает «Трёх лилий», потому что мадам умела вовремя положить монету в нужную ладонь. Высокая, сухая, с цепким взглядом и негромким голосом, она держала дом железной рукой, но никогда не поднимала на подопечных руку. Оборванных, голодных, никому не нужных девушек она принимала так, как принимают котят: не из любви, а потому, что не могла иначе.

Однажды вечером, когда в зале было тихо, Верена остановила Кристину у лестницы.

— Ты почти не ешь, — сказала она негромко.

— Я ем.

— Мало. — Мадам оглядела её с головы до ног, и в этом взгляде не было ни жалости, ни насмешки, только расчётливая внимательность. — Я знаю, что ты откладываешь деньги. Не отпирайся, я видела. Умница. Многие тратят всё до последнего гроша, а потом остаются ни с чем.

Кристина замерла.

— Я не…

— Не бойся, — Верена едва заметно усмехнулась. — Я не отберу. Просто хочу сказать: когда решишь уйти, скажи заранее. Я не стану удерживать.

— Почему?

— Потому что ты не из тех, кто здесь останется надолго, — сказала Верена. — Это видно. Одни приходят и умирают тут. Другие приходят и уходят. Ты из вторых.

Она развернулась и ушла, оставив Кристину стоять на лестнице с гулко стучащим сердцем.

Уходят. Значит, можно.

Мысль была крошечной, как зёрнышко, но с того вечера она не давала Кристине покоя.

Бывали и другие дни. Дни, когда накатывало особенно тяжело, и девушка лежала лицом к стене, слушая, как в соседней комнате смеётся Мира, а внизу хлопают двери. В такие дни она вспоминала.

Не родителей: лиц их она не помнила. Не приют: там остались только серые стены и запах каши. Помнила, как сбежала, едва научилась считать дни по пальцам. Как спала в подворотнях и на чердаках, прижимаясь к тёплым трубам. Как мыла полы в харчевнях за ломоть и угол, где можно было пересидеть холод. Как в десять лет, в двенадцать, в пятнадцать ела то, что находила, и научилась читать людей по глазам: добр или опасен, подаст или ударит.

Выжить. Просто выжить.

Это слово стало для неё молитвой, песней и приказом одновременно. Выжить, чтобы дожить до завтра. Выжить, чтобы когда-нибудь у неё была своя постель, свой кусок хлеба и своя дверь. Не обязательно красивая, не обязательно бога-

тая, но своя, которую никто не сможет открыть без стука.

В восемнадцать лет, голодной, больной и почти сломленной, она стояла на пороге «Трёх лилий» и просила хоть какую-нибудь работу. Мадам Верена окинула её взглядом, молча махнула рукой в сторону кухни и сказала: «Поешь, вымоешь посуду, потом посмотрим».

Так началась её жизнь здесь.

Первые месяцы Кристина мыла полы и посуду. Потом, когда Верена убедилась, что девушка не ворует, не лжёт и не пьёт, ей поручили носить вино в зал. А ещё через время всё стало на свои места, как бывает, когда у человека нет другого выхода. Она не спорила, не жаловалась, не просила пощады. Просто выживала, как умела.

В тот день, когда всё изменилось, на улицах Медников дул резкий весенний ветер.

Кристина вышла на рынок за луком и маслом. Марта послала её, потому что у поваренка разболелся живот, а у других девушек не было сил или желания. Рынок встретил её шумом и запахами: торговцы выкрикивали цены, кричали дети, ржали лошади, где-то рядом визжала свинья. Девушка пробиралась между лотками, прижимая к груди корзину, и думала о том, что хорошо бы сегодня поскорее вернуться.

У центрального фонтана собралась толпа. Кристина хотела обойти, но услышала звонкий голос глашатая:

— По указу его императорского величества Роланда Девятого и от имени дома Фон Мартэн Де Сент Морган! Слу-

шайте все!

Она остановилась. Глашатаи читали указы на площадях раз в неделю, обычно о налогах или о новых правилах торговли. Девушка редко прислушивалась, потому что к ней это не имело отношения. Но что-то заставило её задержаться.

— Высокий Замок объявляет набор слуг! — продолжал глашатай, развернув длинный лист, который Кристина не могла прочесть. — Требуются горничные, помощницы на кухню, прачки, а также прислуга для личных покоев членов императорской семьи. Условия: годовое жалованье в золотых солидах, питание, проживание и форменная одежда. Принимаются здоровые, честные, трудолюбивые люди любого происхождения, умеющие хранить молчание. Желающие могут явиться в канцелярию дворцового управляющего в течение месяца.

Толпа зашепталась. Кто-то присвистнул, кто-то засмеялся.

— Золотых солидов? — удивлённо протянул мужчина рядом. — Целый год?

— Говорят, во дворце платят хорошо, — отозвалась женщина с корзиной. — Только выбирают строго.

— А кому охота лакеям служить, — буркнул кто-то. — Слуг там бьют.

Кристина стояла неподвижно. В груди что-то странно сжалось, будто кто-то тронул натянутую струну.

Любого происхождения. Умеющие хранить молчание.

Она знала, как хранить молчание. Это был единственный навык, которому её научила жизнь.

Домой Кристина вернулась в сумерках, с опозданием, с неполной корзиной и странным блеском в глазах. Марта сердито выговорила ей за лук, а девушка почти не слушала. Ночью, когда Лина заснула, она долго лежала, глядя в потолок.

Дворец. Это невозможно.

Как она войдёт туда? Без рекомендаций, без имени, без прошлого, которое можно показать. Как скажет, где работала раньше? Что ответит, если спросят?

Но другая мысль, настойчивая и упрямая, не давала покоя.

А что, если получится?

Она встала, достала из-под тюфяка жестяную коробку и высыпала монеты на одеяло. При слабом свете луны, пробивавшемся сквозь окно, они тускло блестели.

Шесть грошей. Двадцать пенни. Один золотой солид.

Хватит ли этого, чтобы дойти до дворца, продержаться первое время, если не примут? Хватит ли, чтобы начать заново, если всё провалится?

Она сидела так долго, пока за окном не начало светлеть. Потом аккуратно сложила монеты обратно, спрятала коробку и тихо сказала в пустоту, одними губами:

— Я пойду.

Слова повисли в тёмной комнате, и никто их не услышал. Но Кристина почувствовала, как внутри что-то сдвинулось,

как сдвигается лёд на реке, когда приходит весна. Не сразу, не громко, но так, что назад уже не повернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.